

Я беспомощно смотрел, как алый силуэт покидает зал и растворяется в ночной тьме.

Наконец я смог вдохнуть.

Но вслед за этим накатила невиданная прежде пустота, горькая и звенящая тоска. Забыв обо всём, я порывался ринуться вслед за ним.

И снова эта тяжёлая рука опустилась мне на плечо, прижимая к месту.

Я обернулся — всё тот же старый сановник, с которым я только что обменивался шутками.

— Ваше Высочество, не подобает, — произнёс он.

— Мне... мне невтерпёж! — дрожащим от отчаяния голосом выпалил я.

Я попытался сбросить его руку, но куда там. Вроде и лет ему немало, а хватка оказалась железной — я и на вершок не мог сдвинуться.

— Это государственный пир, — увещевал старик. — Коли Ваше Высочество покинет место, не миновать пересудов.

Да какое мне дело до пересудов! Вся моя душа устремилась вслед за тем небожителем в алом. Если он сгинет, где мне его искать? Бессмертные ведь живут в небесных чертогах, а у меня нет крыльев — как я взлечу в его обитель?

От бессилия у меня едва не брызнули слёзы.

«Ну попомнишь ты у меня, старик!»

Я невольно устремил взгляд к драконьему трону — и наткнулся на тяжёлый, суровый взор отца-императора.

Этот взгляд, исполненный непререкаемого величия, мгновенно остудил мой пыл. Покорно обмякнув, я бессильно опустился обратно на подушку.

Заметив это, старый сановник убрал руку с моего плеча.

— Как твоё имя? — спросил я.

— Вашему Высочеству прислуживает Гао И из Императорской канцелярии.

«Ладно, Гао И. Я запомнил тебя».

Пир между тем входил в самую пору. В зале становилось всё шумнее, смех и громкие разговоры сановников глушили музыку. Я с нарастающим трепетом оглядывал присутствующих — и впрямь, ни один вельможа не дерзал покинуть пиршество.

Томясь от нетерпения, я ковырял ножичком для крабов низкий столик, вырезая на дорогом дереве одну зазубрину за другой.

«Дождись меня...» — твердил я про себя.

Гао И тем временем увлечённо болтал с соседом, то и дело поглаживая седую бородку и самозабвенно посмеиваясь.

Выждав, как мне казалось, верный миг, я резко вскочил. Но у этого старого лиса точно на затылке были глаза: его сухая, подобная птичьей лапе кисть мгновенно вцепилась мне в плечо.

— Ты меня обижаешь! — вырвалось у меня чудовищно жалобным тоном.

Гао И лишь добродушно усмехнулся, да так, что в глубоких морщинах на его лице, казалось, можно было расплющить муху:

— Третий принц изволит шутить.

Этому пиршеству, казалось, не будет конца. Это были самые длинные часы в моей жизни. Но едва прозвучало повеление расходиться, я уже не сдерживал себя — и вихрем вылетел из зала.

Я мчался изо всех сил, оставляя за спиной исполненные тревоги оклики слуг. Ночной ветер свистел в ушах, трепал полы моих одежд и сбивал с головы венчик.

Я бежал, отдаваясь этому порыву всем своим существом. Свежий поток залетал в широкие рукава, и те развевались, словно крылья.

«Дождись меня. Дождись, пока я приду...» — бессчётное число раз шептал я, сбивая дыхание.

И наконец в полумраке отдалённой беседки я разглядел это алое пятно. Замрев от благоговения, я, едва дыша, шаг за шагом двинулся к павильону.

Небожитель полулежал, прислонившись к резному столбу, словно погружённый в сон.

Я на цыпочках приблизился и осторожно присел подле него.

Там, в зальном полусвете, я уловил лишь мимолётный образ — ту алость, что обжигала сердце, да изящный, подобный нефриту силуэт. И только теперь мне представилась возможность разглядеть его лицо.

И воздух снова застрял у меня в горле.

Я сжал пальцами одежду на груди, судорожно ловя ртом воздух, но, испугавшись, что сбивчивым дыханием разбужу его, тут же зажал рот другой рукой.

Я встречал на своём веку самых разных людей.

Простые, добросердечные люди сотканы из синего неба. Те, что сотворены из дождя, — неуклюжие притворщики; сотворённые из тумана — хитрецы, умеющие скрывать свою суть. Владыки мира и государственные мужи отлиты из туши, а предатели иссечены из холодного камня. Сюй Цинцзэ некогда был изваян из ветра.

Но этот бессмертный был сотворён совсем иначе.

Он был сотворён из небесной пыли.

Небесная пыль — это нечто такое, что являлось мне лишь во снах. Стоит небожителю смахнуть с рукава хоть песчинку этой пыли на землю, как на ней тут же сменяются времена года, запевают птицы, всходит солнце и сплетаются облака.

Моё сердце сжалось от щемящей хватки — сжалось не от горя, а от сладостной, невыносимой истомы. Казалось, сам ветерок касается груди, оставляя там трепетную боль.

Слёзы беззвучно покатались по щекам, но я не смел даже зажмуриться. Сквозь туманную пелену я смотрел на него, не в силах оторвать взгляд.

Сколько прошло времени — вечность или мгновение? Густые, угольно-чёрные ресницы вздрогнули и медленно приподнялись.

В его глазах плескалась лишь бездонная пустота, равнодушие и смертная усталость.

Но затем его взор упал на меня, и в нём мелькнуло короткое замешательство.

— Кто ты? — прозвучал его голос.

Он посмотрел на меня! Он заговорил со мной! Моё сердце точно вырвалось на бескрайний простор, побежало по травам, целуя землю, обнимая ночной ветер и лунный свет!

Столько слов рвалось наружу!

Я хотел спросить, когда он спустился в наш грешный мир, узнать его имя, спросить, согласится ли он стать моим ванфэй... Я хотел поведать ему обо всей своей любви, о жаждущем трепете и тоске в груди! Хотел признаться, что он — моя звезда Красного Феникса, наречённая самой судьбой!

Но чем сильнее я спешил, тем сильнее не слушался язык. Я беспомощно размыкал губы, не способный вытолкнуть ни единого звука.

И тогда я снова заплакал.

Я не виноват — ведь чувства должны как-то выходить наружу: если не через слова, то через слёзы. А если губы онемели, за них говорят глаза.

Он, кажется, изумился, приподнялся и тихо произнёс:

— Не плачь.

Он снова заговорил со мной!

Слёзы немного остудили безумный порыв, и тугой узел мыслей в голове наконец ослаб.

— Я... Чу И, — пробормотал я.

— Ты — Третий принц? — переспросил он.

Я закивал. Но тут же меня обдало холодом тревоги: если ему известно, кто я, значит, он слышал и мерзкие сплетни! Всякие речи о том, что Третий принц — скудоумный мужеложник, наверняка доходили и до его ушей.

И я спешно вылил на него:

— Я не мужеложник!

Выражение его лица стало весьма странным.

Я в досаде хлопнул себя ладонью по губам и добавил:

— И я... вовсе не... ну, то есть, совсем кроху глуп!

Я хотел было сказать, что ничуть не глуп, но как я мог лгать пред ликом бессмертного? Поэтому я сжал большой и указательный пальцы так, чтобы между ними оставалась лишь крошечная щель: мол, глупости во мне вот совсем чуток.

Он взглянул на мои пальцы и вдруг тихо рассмеялся.

И от этой улыбки вся глухая тоска и пустота в его взгляде мгновенно развеялись. Он вдруг преобразился — будто юный наездник, мчащийся на лихом коне во всём блеске весенней славы, яркий, дерзкий, не знающий преград.

Он затмил собой цветение десяти ли алых лотосов!

Я так и замер с открытым ртом, глядя на чуть приподнятые уголки его глаз, на ещё не угасшие искры смеха, и чувствовал себя рыбой, выброшенной из воды.

— Небожитель... — пролепетал я.

— Какой из меня небожитель. Я лишь узник, — отозвался он и протянул мне руку. — Рад знакомству, Третий принц.

Глядя на его ладонь, я чувствовал, как вся кровь приливает к щекам. Что именно он произнёс, я едва разобрал — и без зеркала понимая, что залился краской до самых ушей.

Трепеща, я протянул свою руку и коснулся его пальцев. Его ладонь оказалась прохладной, а шершавые мозоли на ней слегка покалывали мне кожу.

Он лишь слегка сжал мою кисть и уже собирался отнять руку, но я невольно вцепился крепче, а второй ладонью накрыл его тыльную сторону.

Он изогнул бровь, с ленивой грацией опять откинулся на столб павильона и снова усмехнулся:

— И что же сие означает, Третий принц?

Я смотрел на него с благоговейным трепетом и выдохнул:

— Ты... согласишься стать моим ванфэй?

— Отчего же нет? — с небрежной лёгкостью откликнулся он. — Я всё равно обречён на смерть. Если Ваше Высочество не брезгует...

— Не смей так говорить! — вскричал я.

Он лишь тихо хмыкнул, и его смех, вырвавшись из беседки, умчался прочь вместе с ночным ветром. Даже я, глупец, расслышал в этом смехе беспросветную скорбь.

Только теперь до меня дошло, отчего при каждом его движении раздавался смутный металлический лязг. Я опустил взгляд — и кровь застыла в моих жилах: его лодыжки сжимали тяжёлые, чёрные от копоти оковы. Цепь была настолько короткой, что шагнуть широким шагом он просто не мог.

Глаза мои мгновенно налились слезами от ярости и жалости:

— Кто... кто это с тобой сделал?! Я... я сейчас снял бы их!

— Благодарю за доброту, Ваше Высочество, но не стоит, — равнодушно ответил он.

Я беспомощно вцепился в железо, но морозный металл обожжёт пальцы. Я снова взглянул на него: на нём было лишь тонкое алое одеяние, а открытые ключицы казались выточенными из холодного нефрита.

У меня сжалось сердце, дыхание перехватило. Набравшись решимости, я молча сдёрнул с плеч свой плащ и протянул ему.

В его тёмных, точно тушь, глазах на мгновение мелькнула искра тепла, но заговорил он всё так же сдержанно:

— Благодарю. Но ночи нынче студёные, лучше оставьте плащ себе, принц.

Я хотел было возразить, но в павильон уже входил евнух в сопровождении стражников. Совершив быстрый поклон в мою сторону, евнух обратился к моему бессмертному с холодным высокомерием:

— Господин Цзи достаточно задерживался. Пора в путь.

Я тут же встал перед ним стенкой и вперился взглядом в евнуха:

— Куда вы намерены его увезти?!

Слуга и бровью не повёл, отозвавшись писклявым, въедливым голосом:

— Раб исполняет высочайшую волю Его Величества: велено препроводить гостя из Северного Инь на постой в Палату государственного этикета.

Прохладные пальцы тихонько потянули меня за край рукава, и мой бессмертный поднялся на ноги. Его качнуло, и я невольно подхватил его под локоть. Он казался совсем лишённым сил — не просто слабым, а изнурённым до самого мозга костей.

Двое вооружённых стражников тут же сжали его плечи с обеих сторон.

Я сделал шаг вперёд:

— Я пойду с ним!

Евнух преградил мне дорогу:

— Его Величество повелел Третьему принцу немедленно явиться в Зал Усердного Правления.

Его щуплая фигурка непреклонной стеной встала у меня на пути, и мне оставалось лишь смотреть, как стражники под руки уводят моего небожителя.

Он двигался с большим трудом, медленно переставляя скованные ноги. Но сердце подсказывало мне: он не должен быть таким! Ему предназначено быть неистовым воином на поле битвы, пронзающим копьём сердца врагов! Ему не подобает эта ничтожная слабость!

И тут один из стражников, решив, видимо, что узник плетётся слишком медленно, с силой пнул его под колени.

Во мне что-то мгновенно переломилось.

Сгребя в охапку подвернувшегося евнуха, я швырнул его прочь и рявкнул так, что содрогнулся воздух:

— Смирно! Я сказал, стоять!

Я и помыслить не мог, что мой голос способен на такую властность. Он громом прокатился над ночным двором, исполненный непререкаемой повелительной силы.

Стражники оцепенели и, круто развернувшись, пали предо мной на колени.

Я подошёл вплотную и вперился взглядом в того, кто посмел поднять ногу на моего бессмертного. Стражник сперва пытался держать осанку, но под моим взглядом его спина медленно согнулась, а голова уткнулась в грязь:

— Пощадите, Ваше Высочество! — запричитал он, бьась лбом о камень.

— Которой ногой ты его пнул? — тихо спросил я.

Стражник покрылся холодным потом:

— Л-левой...

— Левой. Что ж, вижу, левая нога у тебя слишком ретива. Вот и простоишь на ней всю ночь. На одной только левой ноге.

Я едва заметно повёл подбородком, и из тени тут же выскользнул Сяфэн:

— Слуга лично присмотрит за исполнением, Ваше Высочество.

— И если я узнаю, — добавил я, — что ты опустил правую, я велю отрубить тебе обе.

Евнух порывался было что-то возразить, но я, едва сдерживая кипящий гнев, бросил ему:

— Или князь не волен наказать провинившегося слугу?

Евнух попятился и судорожно сглотнул, не смея молвить ни слова.

Я повернулся к моему бессмертному, и вся злоба тут же испарилась, уступив место щемящей тоске:

— Я приду к тебе завтра.

И он улыбнулся мне.

От этой улыбки я снова едва не лишился чувств, но дело ещё не было завершено, и дураком мне притворяться сейчас было нельзя. Насилу отведя взор, я постарался удержать в голосе хотя бы тень недавнего величия и обратился к остальным стражникам:

— Он слаб и шаг за шагом едва ступает. Не смей его торопить! И пальцем тронуть не дерзайте!

Стражники ничком ударили челом, принимая приказ.

Я остался стоять на месте, провожая его взглядом. Он уходил всё дальше, а моё сердце натягивалось, точно струна, готовая вот-вот лопнуть от невыносимой тоски.

Я не выдержал и бросился вслед за ним, крича во весь голос:

— Небожитель! Эй, небожитель!..

Он замер. Его алое, словно пламя, одеяние бьётся на ветру.

— Как твоё имя?! — донёсся до него мой отчаянный крик.

И ночной ветер донёс ко мне тихий, но отчётливый ответ:

— Меня зовут Цзи Минчэнь.

<http://bllate.org/book/20619/2109143>